

ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ ОСВІТИ В ЦЕНТРАЛЬНІЙ І СХІДНІЙ ЄВРОПІ: ВІД СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ СХОЛАСТИКИ ДО РАЦІОНАЛІЗМУ ЕПОХИ ПРОСВІТНИЦТВА

УДК 94 (37-11:477.75)

О «ПЕЩЕРЕ ПАРФЕНОН» В ХЕРСОНЕСЕ

С. Б. Сорочан

Сорочан С. Б. Про «печеру Парфенон» в Херсонесі. Проблема локалізації «печери Парфенон», про яку сповіщають «Життя єпископів Херсонських», неодноразово ставала предметом аналізу дослідників. У статті розглядаються різні дослідницькі версії та робиться висновок про те, що дані топографії Херсонеса-Херсону дозволяють найбільш впевнено пов'язати історичну пам'ятку з мартирієм з підземною криптою в кварталі III східної частини міста.

Ключові слова: Херсонес Таврійський; Життя єпископів Херсонських; Парфенон; Візантія; агіографія; топографія.

Сорочан С. Б. О «пещере Парфенон» в Херсонесе. Проблема локалізації «пещери Парфенон», о которой сообщают «Жития епископов Херсонских», неоднократно становилась предметом анализа исследователей. В статье рассматриваются различные исследовательские версии и делается вывод о том, что данные топографии Херсонеса-Херсона позволяют наиболее убедительно связать искомый памятник с мучеником с подземной криптой в квартала III в восточной части города.

Ключевые слова: Херсонес Таврический; Жития епископов Херсонских; Парфенон; Византия; агиография; топография.

Sorochan S. B. About the “Cave Parthenon” in Chersonesos. The issue of localization of the “Parthenon cave”, which was represented by “The Lives of Cherson bishops”, has repeatedly been the subject of analysis of different researchers. In the article there are discussed various versions of the historian research and was made a conclusion that the topography data of Chersonese-Kherson allow us to associate the monument with martyrion augmented by an underground crypt in the 3rd quarter in the eastern part of city.

Keywords: Tauric Chersonesos; Lives of the Cherson Bishops; Parthenon; Byzantine Empire; hagiography; topography.

Крымский Херсонес, византийский Херсон, богат на памятные места, тесно связанные с самыми разными, подчас судьбоносными культурно-историческими событиями. Недаром он стал местом розыска мощей Климента Римского, предпринятых Константином Философом. Одним из таких сакральных мест его культурного пространства для херсонитов, а значит, и для ромеев, стала «некая пещера, именуемая Парфеноном» («Парфенон», «Парфенона», «Парфенония», «Девическая»), о которой сообщает раннесредневековый агиографический источник «Жития епископов Херсонских». Проблема ее локализации неоднократно оказывалась предметом анализа исследователей. Ее помещали как в городе, так и за его пределами, хотя большинство версий Житий достаточно точно указывают на местонахождение «пещеры Парфенон» именно в городе. Они сообщают, что в IV в. один из первых епископов города – Василей (Basileus), прибыв в Херсонес, вынужден был укрываться от глаз враждебно настроенных к нему горожан – «поклонников идолов», язычников («эллинов») и иудеев, «в некоей пещере, именуемой Парфеноном (spelaiō tini Parthenoni katonomazomeno)» (в старославянском переводе – «Девической»)!. Здесь, «в городе» (tin polin), «внутри города» (tes poleos entos), «в пещере» (kan to spelaiō), нашли его родственники умершего сына архонта, одного из «начальствующих», партевонов, и упростили епископа пойти с ними за город, на кладбище, к могиле покойного (ton tarphon), дабы совершить чудо воскрешения². Следовательно, упомянутая «пещера, именуемая Парфеноном», с точки зрения агиографа, скорее всего, местного клирика, игумена или епископа, находилась внутри города. Лишь синаксарные грузинская, константинопольская (причем в латинском переводе) и армянская версии Житий говорят о ней, как о расположенной

где-то вне города, даже на некой «горе», что отходит от указаний протографа источника и является обычным агниографическим топосом-клише, детали которого не волновали пересказчиков, исходивших лишь из логики того, что, по рассказу, Василий был бит, изгнан язычниками и, значит, его укрытие должно было быть за городом³. Так или иначе местонахождение этого памятника со временем не могло не стать сакральным для херсонеситов. Опираясь на данные христианской топографии города, которые прекрасно знал составитель Житий, можно задаться целью еще раз уточнить археологию священного места, разобравшись в накопившихся версиях, число которых продолжает возрастать.

Последнюю из таких версий породили археологические разыскания С. Г. Рыжова в 2012–2013 гг. Они выявили следы небольшого античного храма со ступенчатой алтарной площадкой перед ним в северном квартале IX-а на углу продольной улицы II и поперечной улицы VIII-а, как подчеркивает сам исследователь, почти рядом с большой агорой, центральной площадью Херсонеса. Этот предполагаемый храм существовал, судя по материалам, с IV в. до н. э. до IV в. н. э., после чего был заброшен и основательно сивелирован при позднейших застройках. Поскольку рядом с храмом находилось пещерообразное сооружение (3,9×3,0×2,2 м) с провалившимся сводом и параллельным ему, вырубленным в скале, узким десятиметровым коридором, этот комплекс было предложено рассматривать как легендарную «пещеру Парфенон», в которой в IV в. укрывался от «поклонников идолов» один из первых епископов города, св. мученик Василий⁴.

С. Г. Рыжов справедливо связывает обнаруженное с ориентирами, указанными в Житиях для так называемой Феоны (ta Theona), восточной стороны города, но, вслед за В. В. Латышевым⁵, предлагает включать в этот регион, по сути дела, половину всего города – от середины Северного берега до района, прилегающего к гавани, к Карантинной бухте на юге. В данном случае авторитет В. В. Латышева воздействует столь сильно, что перестает замечаться другая реальность.

Между тем источник достаточно точно определяет границы Феоны от «так называемой Малой агоры», или «от улицы, именуемой «Малая площадь», до места, носившего агороним Парфенон (Парфенион, Парфенеон, Парфений), где находился поначалу храм Девы (Партенос), а позднее, как указано в Житиях, был возведен храм (базилика) во имя первоверховного апостола Петра, отождествляемый с Восточной базиликой (№ 36) на восточном мысу города, откуда следовала магистральная I продольная улица⁶.

Существование «регеона так называемой Малой агоры» (tou regeonos tes legomenes mikras agoras) в позднеримском и ранневизантийском Херсонесе засвидетельствовано в Житиях свв. епископов Херсонских, автор которого, хорошо знакомый с топографией и культурным пространством города, поместил его в начале «восточного района городища» (to anatolikoteron tes poleos meros)⁷. В Макарьевской минее по Успенскому списку XII в. «Феонин город» указан идущим «от улицы, именуемой Мальй Торг («Малая площадь») и даже до так называемого Парфенеона⁸. Если следовать традициям планировки, унаследованной херсонеситами от римлян, восточная часть, сторона, или восточный «район» (meros, meris) четко выделяется пересечением двух главных улиц, магистральной (I продольной) и поперечной, этих своеобразных *decumanus maximus* и *cardo maximus* первых веков н. э. В этом случае основная поперечная улица (она же 15-я улица) тянулась от Южных городских ворот, устроенных в конце I–II вв. между прямоугольной башней XII и полукруглой башней XIII в 14-ой куртине оборонительных стен⁹. На это обстоятельство обратила внимание И. А. Антонова, но она не пошла дальше предположения о наличии поблизости площади, которую «окружали крупные общественные постройки». Характер сделанных в этом районе находок позволил Л. В. Марченко поддержать это мнение, указав, что в эллинистический и римский периоды «на территории кварталов, расположенных по обе стороны Главной улицы между 11-ой и 15-ой поперечными улицами, находились здания общественного характера и, возможно, площадь и храм перед театром», однако и он не связал этот ориентир с указаниями херсонесской агниографии¹⁰.

Очевидно, именно Южные ворота херсониты называли «Мертвыми» – e Nekre auloporta, как это следует из старославянских и древнегрузинской версий Житий, сделанных на основе греческого оригинала, протографа¹¹. В них говорится, что в IV в. через эти врата тела убитых язычниками епископов Евгения, Агафодора и Елпидия (Елпидиофора) выволокли из города и «...бросили на восточной стороне» («...повергоша на восточной стране

на изъядение псом их»). Это были единственные ворота, расположенные против обширного некрополя около Карантинной бухты, а «Мертвыми» их называли, конечно, потому, что через них обычно выносили покойников, чтобы по дороге, пролежавшей именно по периболу, между двумя оборонительными стенами, доставить для погребения на обширное кладбище около Карантинной бухты. Следует особо отметить, что херсонеситы относили эти ворота к «восточной стороне», то есть ко все тому же «восточному району города», именуемому Феона («Феонина»).

Остатки этих ворот с фундаментом башни для их защиты впервые описал посетивший осенью 1825 г. Севастополь викарий армянской католической церкви Тавриды Минас Бжешкьян¹², впоследствии они были разобраны и засыпаны по распоряжению начальства монастыря св. Владимира. Судя по сохранившимся планам, снятым К. К. Косцюшко-Валюжиничем, ворота были построены в системе дипилона, причем коридор, прикрытый дополнительно протехисмой, выступал снаружи линии обороны и имел два запора¹³. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, этот пилонообразный проход с коробовым сводом прикрывал расположенный над ним башенный ярус обороны, который заменял башню по середине весьма длинной 14-ой куртины, достигавшей около 65 м¹⁴.

Примечательно, что в Константинополе, в основной оборонительной стене Феодосия тоже были очень похожие ворота, выводившие за пределы города, на некрополь и к церкви св. Мокия, которая, как и херсонский загородный храм Богоматери Влахернской, располагалась прямо среди могил¹⁵. Они назывались Воротами Кладбища (ныне – Ени Мевлевихане капу).

Уже в 30 м от начала херсонских Мертвых ворот 15-я поперечная улица пересекалась с магистральной I продольной улицей, которая в свою очередь четко очерчивала северную границу восточного района города. О том, что «регеон так называемой Малой агоры» («Малой площади») и, значит, она сама издавна располагались вокруг этого своеобразного «крещатика» Херсонеса, свидетельствует существование поблизости античного театра, вероятно, здания гимнасия (большинство надписей, относящихся к последнему, были обнаружены в этой части района), а также других общественных построек и, вероятно, храмов¹⁶.

К. К. Косцюшко-Валюжинич первым обратил внимание на необычно большую, достигавшую 7,4 м, ширину обеих главных улиц на этом участке и, исходя из этого, верно отметил их «видную роль в византийскую эпоху»¹⁷. Здесь действительно образовывалась «так называемая» «Малая площадь», и становится понятно, почему составитель агиографического источника, знакомый с топографией города, указал на нее как на «так называемую», а не просто на агору или площадь: собственно таковой здесь не было. К. К. Косцюшко-Валюжинич подчеркнул, что «направление и обе стороны той и другой улицы определяются сохранившимися кладками римско-византийской эпохи»¹⁸. Эти же кладки определяют наличие здесь в раннее средневековье крупных сооружений государственного, гражданского, несомненно потестарного, в том числе, может быть, административного и торгового характера, которые размещались в кварталах, выходящих на названные улицы. К сожалению, обстоятельства не позволили провести раскопки в расположенных к северу XXXIII, XXXIX и XLV кварталах и тем самым исследовать все стороны «регеона Малой агоры», но и того, что было найдено, достаточно для вывода в пользу существования здесь важного, престижного общественного центра города.

По мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича, уже в позднеримскую эпоху, частью на материковой скале, а частью на развалинах эллинистических построек, но с использованием техники кладки *opus mixtum* на месте северной части кварталов LXXI–LXXII, было сооружено обширное гражданское общественное здание («здание Г») с толстыми стенами на прочном известковом растворе, с подвальным этажом¹⁹. Оно располагалось именно рядом с перекрестком у Мертвых ворот, где только и могла находиться «так называемая Малая агора», «Малая площадь», от которой, согласно Житиям епископов Херсонских, простиралась точка отсчета территории восточной части города. При строительстве монастырской новой кухни и трапезной в 1914–1916 гг. откопанное в 1903–1904 гг. строение оказалось уничтожено. Но весьма вероятно, что руины именно этого исчезнувшего обширного здания, раскинувшегося на половину двух смежных кварталов и еще хорошо заметного в 1578 г., назвал «царским дворцом» посол польского короля Мартин Броневский²⁰. Действитель-

но, загадочное сооружение, обозначенное на планах раскопок буквой «Г», отличали необычайно большие размеры, наличие множества помещений и особый вид, что позволило К. К. Косцюшко-Валюжиничу образно назвать его «замком, в котором помещались правительственные учреждения»²¹. Оно располагало с западной стороны обширным двором, обнесенном стенами, в углу которого находилась цистерна и довольно крупная базиликальная церковь (17,78×6,08 м) с кимитирием из пяти гробниц с многоярусными погребениями перед порогом и в притворе и со сводчатым склепом – криптой. С северо-восточной стороны на широкую продольную улицу выводили ворота, а с противоположной стороны, к ограде соседнего крупного и высокого крестовидного «храма с ковчегом» (№ 19) вели еще одни ворота и две калитки на равном расстоянии от ворот²². Не исключено, что именно им, судя по условиям находки, принадлежали обломки «от массивной бронзовой львиной головы очень грубой работы, с отверстием по обеим сторонам пасти для укрепления кольца»²³. Такие ручки, сравнительно редкие, имели, видимо, наружные двери общественных зданий Херсона VI–XII вв.²⁴

Сооружение было оборудовано целой сетью черепичных водостоков и каменными, в виде тумб, трубами для сбора с крыш дождевой воды, отвесно проходившими через капитальную стену. Главный водосточный канал этого здания, вместе с еще одним небольшим рукавом с восточной стороны, выводил в водосточный канал соседней улицы, а другой водосток, более узкий, направлялся от главного водостока на юг, к 15-ой куртине городской оборонительной стены²⁵. Полы в здании были из каменных плит (одна из них с тремя отверстиями в углублении для слива под пол, в сточный канал), а двери арочными, что тоже свойственно византийским дворцам. К. К. Косцюшко-Валюжинич отметил, что от угловой внутридворовой церкви и до проезда к «храму с ковчегом» ограда на всем протяжении была застроена с внутренней стороны «...помещениями № 24–29, квадратной формы, сложенными на извести, с водостоками в четырех из них, выходившими на главную поперечную улицу и соединяющимися с главным коллектором»²⁶. Назначение этих помещений ранневизантийской эпохи осталось невыясненным, однако некоторая изолированность их друг от друга и вытянутость вдоль широкой улицы, выводившей к своеобразному «крещатику» – центру «Малой агоры» (*mikra agora*), позволяют подозревать в них лавки – эргастрии, или складские помещения.

На основании каменных тумбообразных и черепичных водостоков заведующий раскопками относил постройку к «римской эпохе», хотя входившие в его комплекс помещения № 24–29, как и ограду всего «здания Г», он же определял принадлежащей к «римско-византийской эпохе», а в другом варианте отчета – к «ранней византийской эпохе»²⁷. Как бы то ни было, сооружение активно использовалось и в раннее средневековье. В отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича фигурирует упоминание о множестве фрагментов византийской глиняной и стеклянной посуды, «бронзовых монет Херсонеса византийской эпохи», а находки средневековых черепиц с метками указывают, что «дворец» подвергался перестройкам, благополучно пережив «темные века»²⁸.

Как и следует ожидать, он не был одинок в этом важном районе города. Напротив ворот «здания Г», через улицу, находились очень похожие на них по размеру и конструкции еще одни ворота (*н*) и две калитки (*о – о*), ведущие через ограду, видимо, в столь же большое здание «римско-византийской эпохи», разместившееся на месте смежных кварталов XXXIII и XXXIX, которое К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл в 1905 г., но не смог продолжать раскопки по причине застроенности участка монастырскими строениями²⁹.

Особого внимания заслуживает частично раскопанное им потестарное здание напротив отрезка 15-ой поперечной улицы, шедшей от Мертвых ворот. Оно имело мощные стены толщиной от 2 до 5 м с контрфорсами, сложенными на известковом растворе, цемянковые и мощные плинфой полы и даже небольшую внутреннюю баню с гипокаустом. Л. А. Голофац предлагает интерпретировать его как еще одну правительственную резиденцию или даже преторий средневизантийского времени, который с перестройками просуществовал, как и «здание Г», до XIII в.³⁰

Еще одно здание с многочисленными помещениями (№ 3–23), бутовая на извести кладка которых сохранилась на высоту 0,8–1,42 м, занимало большую часть пространства к юго-западу от 15-ой поперечной улицы³¹. Оно подверглось перестройкам в поздневизантийское время, но было сооружено, судя по всему, гораздо раньше, одновременно со

«зданием Г». Как и у него, вдоль поперечной улицы следовал ряд помещений квадратной и прямоугольной формы (№ 6, 11, 15, 18–21, 23), тянувшихся до самых Мертвых ворот, причем два из них (№ 15 и 18) имели выходы на улицу и, следовательно, тоже могли быть самостоятельными эргастирями (ср. материалы Сард VII в.³²).

Не исключено, что тыльную, западную сторону обширного здания, выходящую на соседний ранневизантийский общественный комплекс с вместительным городского водохранилища (*castellum aquae*) у куртины 13, замыкала стена с четырьмя пилястрами, на которых, вероятно, покоились концы арочной конструкции*. Эта стена как бы очерчивала границы «регеона так называемой Малой агоры», отделяя его потестарную структуру от еще одного, видимо, иного по характеру, общественного монументального комплекса, включавшего термы или больницу, рядом с указанным обширным городским гидросооружением³³.

Примечательно, что в глубине комплекса построек вдоль начального отрезка 15-ой поперечной улицы, почти вплотную к стене с пилястрами и в 15 м от городских «Мертвых ворот», рядом с 14-ой куртиной, под углом к ней, в соседстве с помещениями 16, 17, 22 и 23 оказалось уникальное для византийского Херсона, довольно значительное прямоугольное «помещение В» с несколькими водостоками вдоль стен и под каменными плитами пола, которое, судя по ряду характерных конструктивных элементов и обилию пропущенной воды, могло быть общественным туалетом – латриной (афедрон), способным принять до 30 человек одновременно³⁴. Совершенно очевидно, что помещение находилось в связи с упомянутым выше строительным комплексом с водохранилищем-цистерной, действовавшим в раннее средневековье, до начала IX в., откуда в афедрон и другие постройки вокруг Малой агоры подавалась вода. Такое санитарно-гигиеническое сооружение, вполне уместное рядом с общественными, административными зданиями, церковным комплексом («храм с ковчегом» № 19, «храм 1958 г.»), продолжало функционировать весь ранневизантийский период и лишь позже подверглось перестройкам.

В целом, все престижные многокамерные постройки около «крещатика» города – «Малой площади», не находились в запустении в период раннего средневековья. Они сохраняли характер, достойный «регеона так называемой Малой агоры», который херсониты продолжали знать, очевидно, не понаслышке. Причем, судя по всему, эта Малая (нижняя) агора в отличие от Большой (верхней), на акрополе, играла роль не столько торгового, сколько общественного центра, хотя имела помещения эргастирей, инкорпорированные в просторные здания, раскинувшиеся вокруг на нескольких кварталах³⁵.

Маловероятно расположение Малой агоры в III квартале вдоль 5-ой поперечной улицы, как предполагала А. И. Романчук³⁶, поскольку здесь, на небольшом пространстве до Уваровской базилики (№ 23), могло бы поместиться от силы две-три жилые усадьбы площадью по 100–150 кв. м, да и археологически не прослеживается ни торговых, ни административных структур. Помещать Малую агору в портовом районе, около гавани, где она имела бы исключительно торговое значение, тоже нет оснований, хотя такие попытки делаются³⁷. Если бы эта Малая агора находилась здесь, она не смогла бы служить ориентиром для отсчета начала восточной части города, как это следует из Житий епископов Херсонских: она бы оказывалась почти вплотную к южной оконечности Большой агоры и по середине восточной части города. И это главное возражение. Не признать указанного обстоятельства, значит искусственно, примерно в два раза, сузить то, что было для херсонеситов восточной частью, восточной стороной города, свести ее к сравнительно небольшому пространству от порта до Восточной базилики (№ 36), которая и была храмом апостола Петра. В этом случае остальные части города оказывались бы гораздо больше, нарушая общую пропорцию, которая отчетливо выступает при пересечении магистральной I продольной и 15-ой поперечной улиц в районе описанного выше перекрестка. Да и следов даже небольшой по размерам площади близ Карантинной бухты нет: близость

* Считать эти пилястры основанием для колонн портика с архитектурной точки зрения едва ли возможно, поскольку лежавшая напротив стена водохранилища не имела аналогичных несущих выступов (ср.: *Кадева В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков: Бизнес Информ, 1996, с. 34).

приморской линии обороны порта, стиснутой с севера возвышенностью акрополя, еще более увеличивала здесь плотность застройки.

Противоположную сторону обозначенного в Житиях епископов Херсонских восточного района города замыкала, как уже сказано, Восточная базилика с примыкающей площадью древнего, священного теменоса Херсонеса. Она идеально подходит для известного житийного ориентира, увязываемого с христианской, сакральной топографией города. Из Житий вполне определенно следует, что «в восточном районе города» (*anatolikoteron tes poleos megos*), начинавшемся от «регеона» (*tou regeonos*) с «так называемой Малой агорой», функционировал как раз храм апостола Петра³⁸. Еще раз подчеркнем очевидный факт: этот «восточный район» без труда помогает локализовать ясно выраженная в первые века н. э. ортогональная конфигурация городской планировки, отчего *anatolikoteron tes poleos megos* четко соответствовала тому городскому региону (одному из четырех), который образовывало пересечение магистральной I продольной и 15-ой поперечной улиц напротив «Мертвых ворот», унаследованное еще от римской эпохи. Прежнее, эллинистическое деление на девять магистральных продольных и поперечных улиц, если оно вообще имело место, совершенно очевидно, утратило свое значение ко II в. н. э. и ведущая роль до конца существования города перешла к двум главным, наиболее широким улицам, достаточно хорошо просматривающимся на археологической карте города³⁹. Доказывать существование такой планировочной системы из двух главных улиц, наложившуюся на прежнюю гипподамову систему планировки, нечего, поскольку она стала отчетливо видна уже после первых масштабных раскопок города и еще более отчетливо просматривается ныне. Очерчиваемая таким образом *megos*, она же – «Феонина сторона», включала участок от южных, «Мертвых ворот», поблизости от которых, у перекрестка, как мы уже выяснили, находились так называемая Малая агора и крупные общественные, потестарные многокамерные постройки, а затем имела своей северной границей значительный, почти 600-метровый отрезок магистральной I продольной улицы, оканчивавшейся у Восточной площади на обрывистом берегу моря.

Примечательно и очень важно для верности наших наблюдений, что место, где стоял христианский храм, базилика, сохранило и в раннесредневековый период («доныне» – *mechri tes deugo источника*) старый агороним – «Парфенон» («Парфенеон»)⁴⁰, недвусмысленно указывающий на то, что прежде именно здесь мог находиться тот самый, упоминаемый в некоторых списках источника храм *tou Partheniou eidolou legomenou*, «так называемый идол Парфения», вероятно, древний ксоанон богини Девы (Сотейры, Простаты, Басилиссы), о котором, наряду с одноименным храмом, упоминал Страбон (*Strab. VII. 4. 2*), и взамен которого присланный при Феодосии Великом (379–395) из Константинополя епископ Капитон решил построить «неф» (храм, церковь) во имя Петра – «корифея апостолов», что и породило спор епископа с неверными, закончившийся знаменитым чудом с печью⁴¹. Очевидно, это было языческое святилище богини Девы – Афины Спасительницы, защищавшей и приносившей удачу, или Артемиды Ортии (она же Партенос), а, может быть, и обеих вместе. Во всяком случае, херсонеситы всегда видели в своей Партенос Артемиду, дочь верховного олимпийского бога Зевса и Латоны, сестру и паредру Аполлона⁴². По мнению Б. Н. Федорова, в северном конце вымощенной каменными плитами приморской площади, образовывавшей удлиненный прямоугольник размерами около 30×9 м, существовал монументальный храм, возможно, Афродиты, еще одной Девы, покровительницы моряков и мореплавателей, а перед ним по сторонам находились две небольшие постройки, которые, вероятно, были сокровищницами и фланкировали теменос с запада и востока⁴³. Результаты исследований М. И. Золотарева и А. И. Буйских, признанные другими исследователями, подтверждают, что священный участок – теменос города с храмами, центральным алтарем и уникальной для Северного Причерноморья монументальной бронзовой статуей Афины Сотейры работы афинского скульптора Поликрата IV в. до н. э., располагался в античном Херсонесе именно здесь, а сама статуя, стоявшая на краю высокого мыса и достигавшая вместе с постаментом 5 м, могла в свое время служить одновременно ориентиром – маяком, указывая на вход в гавань⁴⁴. В любом случае, нет ни малейших сомнений в том, что древнейший приморский храмовый участок города был связан с присутствием женского божества, которое херсонеситы привычно называли Партенос (Парфенос). Столь же важно, что он находился на одной прямой линии

с Большой и Малой агорой. Другого, более подходящего места для организации теменоса с наосом Партенос на территории Херсонеса неизвестно. По этой же причине одноименную пещеру некоторые исследователи предлагали локализовать собственно в Парфеноне, под Восточной площадью, в урвзе высокого 12-метрового берега, разрушаемого морем, и по этой причине исчезнувшей⁴⁵. Жаль, источник не позволяет столь просто соотнести два разных объекта, объединенных лишь названием, да и вряд ли агиограф не отметил бы столь важный факт, имей он связь с местоположением храма апостола Петра.

Символизм и значительность описаного в Житии св. Капитона действия, происходившего на Восточной площади, становится гораздо рельефнее и понятнее с учетом того, что происшедшее крещение увязывается не с любым другим местом, но именно с тем, где херсонеситы долгое время, вплоть до начала массовых гонений на язычников в конце IV в., почитали богов своих главных, государственных, полисных культов, выражали свое не только религиозное, но также политическое и социальное благочестие и набожность. Демонстрация бессилия богов искорененного херсонесского Парфенона и явилась окончательным знаменательным событием на оскверненном, с точки зрения язычников, теменосе, ставшем в свою очередь надежным гарантом, что обратного пути не будет. Таким образом, сначала ранний храм св. Петра, а затем сменившая его одноименная базилика № 36 стали служить крайней восточной точкой во время стациональных литургий – богослужебных последований, процессий, связанных с именем первоверховного апостола и с почитанием священномучеников – первых епископов Херсонских. Со временем даже само название Парфенон могло окраситься новым, хорошо понятным для местных христиан смыслом, вытеснившим прежний, поскольку одно из принятых в ромейском обществе определений Богоматери звучало как Parthene – Дева, в чем, разумеется, уже не было ничего «эллинского».

Д. Ю. Коробкову принадлежало предположение, что разрушение языческого храма, вопреки указанию житийного источника, могло быть не одновременно крещению херсонеситов. Он связывал его с событиями третьей четверти V в. – времени пребывания в Херсонесе ссыльного александрийского архиепископа, монофисита Тимофея Элура, горячего, несдержанного проповедника, который мог вдохновить горожан на обновление храма, якобы переданного из иудейской синагоги на Северном берегу, в квартале XIX. В этом случае храм Петра соотносится с базиликой 1935 г., которая действительно находилась ближе к тем двум известеобжигательным печам на юго-западной оконечности городища, недалеко от «Иера», «Святых (Красивых) ворот», продукцию которых, согласно херсонскому агиографу, использовали для сооружения баптистерия. Однако приведенные выше соображения позволяют куда логичней, чем гипотетическое расположение легендарных известеобжигательных печей⁴⁶, объяснить необходимость возведения крещальной именно на противоположном конце города, у начала магистральной улицы: там располагалось священное для многих поколений херсонеситов место, которое Церковь должна была освоить в первую очередь как понятый всеми знак своей окончательной победы над «эллинами» и иудеями. К тому же версия Д. Ю. Коробкова не в состоянии объяснить, почему крайний участок на Северном берегу горожане стали бы звать «Парфенон», и уж тем более он не подходит для житийного ориентира, совершенно определенно указанного применительно к восточной части городища.

По тем же причинам не может устраивать и версия А. И. Романчук, которая попыталась связать с храмом апостола Петра раннюю, большую, с пятигранной апсидой «базилику на холме» («базилику Б», по С. А. Беляеву) в начале западной части города⁴⁷. Она мотивировала свои соображения тем, что базилика № 14 находится ближе других к четырехапсидному мартирию № 47, на месте которого в IV в., по ее мнению, стояла легендарная известеобжигательная печь, а базилика датируется С. А. Беляевым тем же временем. Однако последнее вызывает серьезные сомнения и к тому же не увязывается с названием места Парфенон, где, согласно Житиям епископов Херсонских, был воздвигнут храм апостола Петра. Показательно, что в последующих работах А. И. Романчук не стала развивать свою гипотезу и вновь вернулась к ставшей привычной точке зрения В. В. Латышева.

Другой ориентир, который обычно выбирают исследователи для идентификации с храмом апостола Петра, – большая Уваровская базилика или некий гипотетичный ранний храм, в том числе малый базиликальный храм «А» рядом с ней на Северном берегу горо-

дища, на месте кварталов IV–V, не подходит на эту роль все по тем же причинам, но зато удачно соотносится с известной из агнографических источников херсонской «кафоликой церковью» (basilika maior) – храмом свв. апостолов Петра и Павла⁴⁸.

Следовательно, можно с достаточно большой степенью уверенности остановиться на Восточной базилике и примыкающих к ней культовых сооружениях как на том, что в ранне-средневековую эпоху высылось на приморской площади, по давней традиции именуемой херсонитами Парфеноном. Даже одержав полный триумф, новая религия оказалась не в состоянии искоренить этот древнейший агороним города, несмотря на его языческое звучание, покорно унаследованный христианством.

Еще раз следует подчеркнуть, что установленные нами границы вполне определенно увязываются с ясно выраженной в первые века н. э. ортогональной конфигурацией городской планировки. Согласно ей, житийная *anatolikoterion tes poleos meros* четко соответствовала одному из четырех городских регионов, который образовывало пересечение магистральной I продольной и 15-ой поперечной улиц. Если же признать предположения В. В. Латышева, Д. Ю. Коробкова, А. И. Романчук, С. Г. Рыжова, тогда «восточный район» Херсонеса охватывал бы крупнейшие памятники северной и центральной части города, включая весь акрополь, что совершенно не реально.

Наконец, следует обратить внимание на одно принципиально важное обстоятельство: на заброшенном после IV в., прочно забытом месте храма в квартале IX-а херсонеситы со временем не воздвигли меморий, маририй или церковь. Между тем, это было бы вполне обычным, даже обязательным в случае идентификации ими прежнего языческого сооружения с такой «вторичной реликвией» (*brandea*) как место, в котором, по преданию, укрывались их особо почитаемый святой.

Такой маририй с наземной однопадной церковью и подземной тетраконхальной криптой («пещерный храм») хорошо известен в восточном углу квартала III именно в восточном районе города. Его не надо искать, он давно найден⁴⁹. Уже в начале XX в. Д. В. Айналов высказал убедительное предположение, что в случае с «пещерным храмом» на главной улице (магистральной I продольной) и с житийной «пещерой Девы» мы имеем один и тот же ориентир. Святилище, существовавшее здесь, в нескольких десятках метров от теменоса Парфенон, возможно, с конца эллинистической эпохи или с первых веков н. э., было в IV в. заброшено, на его месте возник хозяйственный комплекс ранневизантийского времени, но затем, после каких-то неведомых нам событий, скорее всего, связанных с благочестивыми поисками горожанами своих христианских реликвий, оно вновь стало местом поклонения христиан, устраивавших взамен языческих свои святины. Не исключено, что после сноса остатков разрушенного хозяйственного комплекса V–VI вв. и оборудования крипты сюда были помещены частицы мощей св. Василия, небесным покровительством которого крещенные херсониты особо дорожили. Этот средневековый маририй с его ярко выраженным «пещерным обликом» идеально соотносится со всеми реалиями христианской топографии херсонского агнографа, и поэтому с куда большим основанием, чем остальные сооружения такого рода, может быть включен в круг сакральных памятников, претендующих на связь с культом св. мученика епископа Василия в Херсонесе-Херсоне. Видимо, именно этот критерий – маририальный характер «пещерного» памятника, следует считать решающим при идентификации искомого места на топографической карте христианского города.

¹ Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Мозаричев, А. В. Сазанов., Т. Э. Сарсян, С. Б. Сорочан., А. К. Шапошников // Нартекс. *Byzantina Ucrainensia*. Харьков: Майдан, 2012. Т. 1. С. 22–23, 25–26, § 3–9; С. 28–30, 33–35, § 3–5; С. 45, 46; С. 48, 49, 50; С. 55–56, 60–61; С. 65–66, 83–84; С. 88, 89; С. 99.

² Жития епископов Херсонских... С. 25, 26, 60, 84.

³ Рыжов С. Г. Античный храмовый комплекс в Северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (далее – МАИЭТ). Симферополь, 2015. Вып. 20, с. 49, 50, 99, 118.

⁴ Там же. С. 5–30.

⁵ Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки имп. АН. СПб., 1906. Серия VIII по историко-филол. отд. Т. 8, № 3. С. 51.

⁶ Подр. см.: Жития епископов Херсонских... С. 24, 27, 44, 63, 86, 91, 95, 132–312; *Сорочан С. Б.* О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона // Византийский временник. М., 2006. Т. 65 (90). С. 223–230; *Сорочан С. Б.* О малой агоре византийского Херсона // Мир Византии. Материалы междунаро. науч. семинара. Белгород, 2007. С. 143–149; *Сорочан С. Б.* О «так называемой малой агоре» и Воротах мертвых ранневизантийского Херсона // Сугдейский сборник. К.: Судак, 2012. Вып. 5. С. 218–229; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. Ч. 2. С. 20–32, 75–89, 240–279.

⁷ *Латышев В. В.* Жития святых епископов Херсонских... С. 62, 71, § 17; Жития епископов Херсонских... С. 24, 27, 63, 86.

⁸ Жития епископов Херсонских... С. 86

⁹ *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе. Крестообразный храм. – Крещальня. – Крепостная ограда // Известия Археологической комиссии (далее – ИАК). СПб., 1907. Вып. 21. С. 135 (ворота D); *Антонова И. А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Херсонесский сборник (далее – Х. сб.). Севастополь, 1996. Вып. 7. С. 110–111.

¹⁰ *Марченко Л. В.* Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // Х. сб. 1999. Вып. 10. С. 105.

¹¹ Страдания свв. священномучеников Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Ефрема и Капитона, в Херсоне в различное время епископствовавших. Минееи четьи // Макарий (Булгаков). История русской Церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 327; *Латышев В. В., Кекелидзе К.* Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 83–88, § 3; Жития епископов Херсонских... С. 61, 65, 85, 93.

¹² *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 509.

¹³ *Гриневиц К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и Западная линия обороны // Х. сб. 1959. Вып. 5. С. 86.

¹⁴ *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе. С. 135.

¹⁵ *Mango C.* Le developpement urbain de Constantinople. Paris, 2004. P. 24; ср.: *Сорочан С. Б.* К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // Х. сб. 2004. Вып. 13. С. 211–232; *Сорочан С. Б.* О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2009. Вып. 8. С. 168–178.

¹⁶ Подр. см.: *Марченко Л. В.* Эллинистический комплекс у перекрестка... С. 101–106, рис. 1–3.

¹⁷ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 132, табл. III.

¹⁸ Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе // ИАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 38, табл. II.

¹⁹ Отчет за 1903 год // Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (далее – НА НЗХТ). Д. № 12, л. 12–15; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 44–48, табл. II; Отчет за 1905 год // НА НЗХТ. Д. № 14. Л. 2.

²⁰ Описание Татари (Tartariae descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 342.

²¹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в... 1903 году. С. 47.

²² Отчет за 1905 год. Л. 2.

²³ Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе. С. 42; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в... 1903 году. С. 140.

²⁴ *Денисова Е. А.* «Львиные мотивы» на средневековых памятниках Херсонеса // Символ в религии и философии. Сб. науч. трудов / Под ред. Ю. А. Бабинова. Севастополь, 2005. С. 41–42, рис. 1.

²⁵ Отчет за 1903 год. Л. 15.

²⁶ Отчет за 1905 год. Л. 2; Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе. С. 39–40, табл. II; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в... 1905 году. С. 132, табл. III.

²⁷ Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе. С. 40; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в... 1903 году. С. 132.

²⁸ *Романчук А. И.* Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 172.

²⁹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в... 1905 году. С. 133–134, табл. III; Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе. С. 38.

³⁰ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в... 1903 году. С. 53–54, табл. IV; *Голофаст Л. А.* Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 278, рис. 3.

³¹ Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе. С. 40, табл. II.

³² *Mango M. M.* «Beyond the amphora»: non-ceramic evidence for late antique industry and trade // Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity / Ed. S. Kinsley, M. Decker. Oxford, 2001. P. 93–95.

³³ Подр. см.: *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Supplementum. Вып. 5. С. 219–225; *Сорочан С. Б.* Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона // Боспорские исследования. Керчь–Симферополь, 2010. Вып. 24. С. 436–456.

³⁴ Подр. см.: *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон... С. 379–381.

³⁵ Ср.: *Foss C.* Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. Oxford: OUP, 2002. P. 76–78.

³⁶ *Романчук А. И.* Херсонес XII–XIV вв. С. 162.

³⁷ *Снітко І. А.* Методика реконструкції античного міста (на прикладі Херсонеса Таврійського): Автореф. дис.... канд. архітектури / Харківський державний технічний університет будівництва та архітектури; 18. 00. 01. - теорія архітектури, реставрація пам'яток архітектури. Харків, 2005. С. 12.

³⁸ Жития епископов Херсонских... С. 24, 27, 42, 47, 63, 86, 91, 95. О смысле слова *metis*, формах территориальной общности горожан в византийских центрах и обосновании локализации восточной части города – «Феоны», подр. см.: *Мак-Дауелл Д.* Нові незаперечні свідчення, що потребують вироку. Черкаси, 2005. С. 152; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков: Майдан, 2001. С. 60–61, 97–98.

³⁹ Ср.: *Буйских А. В., Золотарев М. И.* Градостроительный план Херсонеса Таврического // Вестник древней истории (далее – ВДИ). М., 2001. № 1. С. 129; *Буйских А. В.* Пространственное развитие... С. 101, 167–168, 174, 206–208.

⁴⁰ Жития епископов Херсонских... С. 24, 27, 63, 86.

⁴¹ Жития епископов Херсонских... С. 42, 44, 91.

⁴² Подр. см.: *Русяева А., Русяева М.* Верховная богиня античной Таврики. К.: Наукова думка, 1999; *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. С. 171–174.

⁴³ *Федоров Б. Н.* Объемнопространственная композиция северо-восточной площади Херсонеса Таврического и ее реконструкция // Проблемы развития зарубежного искусства. 1980. Вып. 10. С. 17–22; *Федоров Б. Н.* К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1985. Вып. 182. С. 8–11.

⁴⁴ *IosPE, P.* 344, 406; *Золотарев М. И., Буйских А. И.* Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78–101; *Zolotarev M. I., Bujskikh A. V.* The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt of an Architectural Reconstruction // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1995. Vol. 2. No 2. P. 125–156; *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура. С. 26; *Трейстер М. Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Х. сб. 1999. Вып. 10. С. 127–128, 142, № 8 (29).

⁴⁵ См.: *Буйских А. В.* Пространственное развитие... С. 173, прим. 104.

⁴⁶ Ср.: Жития епископов Херсонских... С. 160–164, 203–273.

⁴⁷ *Романчук А. И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceeding of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference. Praha, 1985. С. 126.

⁴⁸ *Латышев В. В.* Жития святых епископов Херсонских. С. 54–55; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград. 1959. № 63. С. 159–160; *Романчук А. И.* Херсонес XII–XIV вв. С. 162; *Беляев С. А.* О храме апостола Петра в Херсонесе // VIII Рождественские образовательные чтения: Церковные древности. М., 2001. С. 5–28.

⁴⁹ Подр. см.: Жития епископов Херсонских... С. 142–150; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон... С. 75–89.